

ИСТОРИИ

«Мы сейчас ребенка застрелим. Говори, где твои флаги» Украина освободила Харьковскую область. Вот лишь одно свидетельство — о том, чего стоили полгода российской оккупации местным жителям

16:42, 13 сентября 2022 · Источник: Meduza

Фото: Ivan Alvarado / Reuters / Scanpix / LETA. Купянск — город в Харьковской области, который был оккупирован около полугода. На снимке, сделанном в мае 2022-го, эвакуационная колонна, выезжающая из города

[Ссылка на материал](#)

Это PDF-версия материала, опубликованного на «Медузе». Вы можете отправить этот файл в любом мессенджере или по электронной почте вашим близким в России, особенно тем, кто не умеет обходить блокировки. Вы можете также распечатать этот текст и показать его тем, кто не пользуется интернетом.

«Медуза» признана «нежелательной» организацией на территории РФ, поэтому, пожалуйста, будьте осторожны и делитесь нашими материалами только с теми, кому доверяете.

Подробнее о «нежелательном» статусе.

Самый удобный способ читать «Медузу» без VPN — это скачать наше приложение. Оно работает в России, несмотря на блокировку, и это абсолютно безопасно. Версия для iOS и для Android. Приложение на Android также можно скачать по прямой ссылке.

Устанавливайте приложение не только себе, но и близким!

Украинские военные провели очень успешное контрнаступление и заставили армию РФ отступить из Харьковской области. Некоторые населенные пункты этого региона были в оккупации больше полугода. Юлия Петрова — жительница одного из них, Купянска-Узлового; крупного железнодорожного узла, связанного с Харьковом и другими городами. Петрова прожила в нем всю жизнь, многие годы помогала местным бездомным животным (а раньше работала в местной ветеринарной клинике). В конце августа Юлии пришлось бежать из оккупированного поселка — после того, как российские военные, по ее словам, угрожали убить ее девятилетнюю дочь. Вот ее рассказ о шести месяцах оккупации — и о мечте вернуться домой.

Юлия Петрова

Живем мы втроем: я, [моя] мама и дочка. Войну встретили дома — со страхом. Позвонили родственники из Харькова. Сказали, что началась война. Уже было слышно взрывы, летала авиация. Мы сразу спустились в подвал. Начали спускать туда животных, которых у нас сейчас более 20. Некоторые испугались звуков и спрятались.

Практически сразу в поселок вошли российские войска. Вошли без боя — наших там не было, мэр⁽¹⁾ [купянский городской голова Геннадий Мацегора] сдал город⁽²⁾. Так и начались наши полгода оккупации.

«В поселок они зашли как хозяева»

Они [российские военные] сразу заехали, заняли техникой площадь перед поселковым советом. Вскоре там собрались местные жители, пытались провести митинги против них.

Но в поселок они зашли как хозяева. В первые же дни везде развесили флаги — российские и советские. На всех перекрестках расставили вооруженных солдат. С местным населением не контактировали, настроены были негативно. Сказать им ничего нельзя было.

С первых дней начали отбирать у людей бизнес. На базарах, на рынках отбирать точки. За «покупками» они ходили так же — глаза поднять на них нельзя было.

Брали что хотели с прилавков. А если посмеешь им перечить или у них просто плохое настроение — били, забирали на подвалы⁽³⁾.

У людей отбирали все, что захотят. Заходили в квартиры, что им понравилось — забрали. Дома отбирали. Могли отобрать машину у людей, в лучшем случае — просто вытянув владельцев из салона. В общем, вели себя как хозяева жизни.

Они пьяные разъезжали на бэтэрах с автоматами. Однажды один такой вылез из люка с автоматом на автостанции и говорит: «Сейчас я буду стрелять вам по ногам». Просто так людям, которые стояли там. Ради развлечения могли обстрелять многоэтажку. В общем, очень много таких случаев было.

Также местных жителей находили убитыми⁽⁴⁾ в реке с пакетами на головах и скотчем перемотанными руками — об этом мне рассказали рыбаки местные еще в начале лета. Они ловили рыбу на реке Оскол, при них всплыл труп. Снимать пакет с головы никто не осмелился, позвонили в [оккупационную] комендатуру. Приехали военные с водолазами, из воды его достали и увезли молча.

В подвалах [административных зданий] тоже происходил ужас. Они там держали людей. Когда просто мимо проходишь, волосы становились дыбом: было слышно

нечеловеческие крики. И женские, и мужские. Что они там с ними делали, что люди так кричали, — и представить страшно.

Многие наши знакомые, которые не скрывали своей проукраинской позиции, пропали. Мы не знаем, где они. Наш депутат Николай Маслий, который выходил на митинги, — его по сей день найти не могут. Очень много молодых девочек пропали без вести. Где они? Никто не знает. Много нехороших вещей происходило.

Были в поселке и те, кто их поддерживал. [Некоторые из них] уезжали в Луганскую и Донецкую область, а оттуда — в Россию. В основном это были старики (хотя много и молодых). Их, в принципе, все устраивало. У них прям такая ностальгия была, говорили: «Ну вот мы будем скоро зарабатывать хорошо, железная дорога заработает как при Союзе». У меня в доме, например, одна женщина пошла работать в их комендатуру. Говорила, что Украина плохая, а эти вот хорошие.

Посмотрите в интернете поселок Купянск-Узловой на 9 мая, как там махали флагами российскими, радовались. А мы стояли и плакали.

«Думаешь, я этого хочу? Я больной. Я ненормальный»
Российские солдаты насиловали женщин и убивали мужчин в мирном селе под Киевом. Расследование «Медузы»

«Ты же нас, русских, не любишь? Ты не любишь нас?»

В первые же дни на нашей железной дороге собрали работников. Сказали, что нужно запускать соединение с Россией⁽⁵⁾. Такие большие зарплаты всем изначально обещали. А потом уже, когда людей оболванили, стали меньше обещать. Перевезли все, что им нужно, [военную] технику из России завезли, а людям в итоге вообще не заплатили. Дали продуктовые пайки вместо зарплаты и сказали, что денег никаких не будет.

А на работу не выйдешь — приедут разбираться. Так люди и работали бесплатно. При этом цены подняли у нас на все примерно в три раза. Цены были бешеные, люди были на грани голода.

Еще были доносы. Например, мама моей подруги, работает сторожем, говорит мне: «Вот что ты за Украину? Я пойду сейчас и заложу тебя русским. И поедешь ты на подвал».

Понимаете, нельзя ничего было говорить, потому что, попадая на подвал... Оттуда уже не выходят. Или выходят, но в очень тяжелом состоянии. У моих знакомых сын на несколько минут комендантского часа опоздал, не успел домой зайти. Его забрали и увезли на подвал. На следующий день его оттуда вынесли. Его так избили⁽⁶⁾, что он не может ходить.

Ко мне явились, думаю, тоже по чьему-то доносу. Кто-то рассказал им о моей позиции — что я против них. Вероятно, кто-то из соседей.

Пришли три человека. Один сразу толкнул меня, я упала. Потянули меня на мягкий уголок на кухне. Посадили, начали проверять телефоны. Один по телефонам лазил, а остальные обыскивали квартиру. Искали украинскую символику и все такое. У меня в доме этого нет, но перевернули все.

Приставляли автоматы ко мне и к ребенку, перезаряжали их. Кричали: «Мы сейчас ребенка застрелим твоего! Говори давай, где твои флаги, где твой прапор, сука, ты же за Украину, ты же нас, русских, не любишь? Ты не любишь нас?»

А я молчу, я так испугалась сильно. Я не могла и слова сказать. Они искали, искали, а потом сказали: «Мы еще вернемся». И ушли.

На следующий же день, 22 августа, мы нашли человека с машиной, который нас бы вывез. Вещей не взяли, потому что не донесли бы. Взяли с собой только самых тяжелых по здоровью и возрасту котов, усадили их по двое в специальные переноски и на последние деньги уехали.

По дороге в Украину нас ждали девять российских блокпостов. Дорога до дамбы (*условная линия разграничения между украинскими и российскими войсками, — прим. «Медузы»*) заняла шесть часов. Это тяжелый путь, пройти все эти блокпосты. Каждый там со своими заскоками, к каждому надо подход найти, чтобы он тебя не пристрелил, денег дать. Чтобы не тронули. Они же считают себя хозяевами наших жизней, все они решают, кто будет проезжать⁽⁷⁾, а кто нет.

На предпоследнем, восьмом блокпосту у них главный сидит. Тебя к нему заводят, и он решает, выпускать тебя в Украину или нет. Там уже проверка кардинальная. Пропускают не всех, но, в общем, если заплатишь — проедешь.

Хотя это тоже не факт. Знакомые рассказывали, что могли даже за деньги не выпустить — все от смены [военных на блокпосту], наверное, зависит.

Но мы платили, чтобы проехать. Сняли все золото, с ребенка крестик золотой с цепочкой сняли — и 400

долларов отдали, которые у нас были на черный день, так сказать.

Но все равно, чтобы проехать, нужно полностью чистить телефон, потому что они могут восстановить все твои переписки, фотографии. Нужно или вообще с новым телефоном быть, или удалять все аккаунты полностью, чтобы заводские настройки были. Потому что они точно найдут, к чему прицепиться.

Мы выехали [на неоккупированную часть Харьковской области]. Спасибо, конечно, украинским военным и волонтерам, очень помогают всем. Нам помогли с животными: очень тяжело — все эти корзинки. Они помогали загружать, разгружать, и где-то в час дня мы уже были в «фильтрационном лагере» — украинском. Это здание, где сидят военные и Служба безопасности Украины. Сначала всех покормили. Кому надо — оказали медицинскую помощь. Пока мы ждали своей очереди на интервью, наших котов и напоили, и присмотрели за ними.

На интервью нас спрашивали сотрудники СБУ. О том, как мы жили в оккупации, обижали ли нас... Ну, такие вот вещи спрашивали. Проверяли телефоны, чтобы не было там ничего. Это понятно: много коллаборантов и предателей же тоже выезжает. Ну а так особо ничего такого не было, чтобы это можно было допросом

назвать. Беседа, скорее. Мы быстро поговорили, и нас отпустили. Вызвали нам такси. Ну, в общем, нормально.

КАК ИДЕТ КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ

Россия потерпела в Харьковской области самое крупное поражение в войне с Украиной. Но, возможно, это еще не конец наступления ВСУ «Медуза» анализирует ситуацию на фронте

«Когда мы видим украинских военных — мы успокаиваемся»

Первое время было очень тяжело привыкнуть, что военных можно не бояться. Потому что это наши, украинские военные. Мы же привыкли, что нужно опускать глаза. Нам нельзя было смотреть на россиян. Реакция могла быть разная. Никто на них не смотрел, никто с ними не разговаривал.

Сегодня, когда мы видим украинских военных, наоборот, успокаиваемся. Мы не нервничаем, не дергаемся, как это было дома. У нас наступает покой. Потихоньку начинаем отходить.

Конечно, животные тяжело перенесли дорогу. Были проблемы в поиске жилья: в квартиру с шестью котами не каждый пустит. Сначала нас приютила пожилая

семейная пара, оба инвалиды. Мы жили у них в крохотном домике. Потом получилось через сарафанное радио снять небольшой домик в селе.

Одежды у нас нет, только то, в чем выехали. Но в первую очередь мы теперь думаем, как забрать остальных животных. Купянск уже освободили, но вчера были обстрелы со стороны Российской Федерации, и есть жертвы. Связи там нет. А животных еще очень много у меня там осталось. За ними сейчас соседка присматривает.

Я очень хочу вернуться домой, но пока нельзя. У нас же поселок находится рядом с границей. Вся артиллерия будет доставать до нашего дома, и все их ракеты будут лететь.

Я вернусь. Там животные мои, там мой дом. Но не в ближайшее время. Я не военный эксперт, но думаю, что россияне будут снова пробовать захватить город. Потому что у нас железнодорожный узел на пять развилочек и он стратегически важен.

Вообще, все это должно поменяться. Должна прекратиться война. Очень хочется в это верить. Хочется, чтобы это закончилось. Чтобы люди не погибали и не становились калеками. Не хочу, чтобы страдали люди и животные.

ЧТО БУДЕТ ДАЛЬШЕ

«Если ничего не поменяется, россияне медленно проиграют эту войну» Украинские войска провели успешное контрнаступление — а российская армия в ответ только отступала. Почему? Отвечают военные эксперты

Записал **Александр Рыбин**

(1) При чем здесь мэр Купянска?

Купянск-Узловой — небольшой поселок городского типа на восемь тысяч жителей, который граничит с городом Купянском. Многие местные жители считают поселок окраиной города.

[Вернуться к тексту.](#)

(2) О чем речь?

27 февраля купянский городской голова Геннадий Мацегора сообщил, что «принял решение участвовать в переговорах с российскими войсками, чтобы избежать человеческих жертв и разрушений в городе». Купянск был оккупирован.

[Вернуться к тексту.](#)

(3) Что это значит?

Быть плененным без суда и следствия. Это выражение стало устойчивым с начала войны в Донбассе. Военные из самопровозглашенных ДНР и ЛНР уже тогда часто забирали «на подвал» неугодных мирных жителей, журналистов, правозащитников и так далее. Зачастую пленники подвергаются пыткам, многие пропадают без вести.

[Вернуться к тексту.](#)

(4) Это правда?

«Медузе» пока не удалось найти других подтверждений того, что это происходило в Купянске-Узловом. Однако в ходе этой войны зафиксировано множество свидетельств точно таких же или подобных военных преступлений, совершенных российскими военными.

[Вернуться к тексту.](#)

(5) О чем речь?

С 2014 года железнодорожное сообщение между Украиной и РФ полностью остановилось. Кроме того, из-за оккупации Россией части Донецкой и Луганской областей на железнодорожный узел Купянск-Узловой нагрузка значительно сократилась.

[Вернуться к тексту](#)

(6) Это правда?

«Медузе» пока не удалось найти других подтверждений того, что это происходило в Купянске-Узловом. Однако в ходе этой войны зафиксировано множество свидетельств точно таких же или подобных военных преступлений, совершенных российскими военными.

[Вернуться к тексту](#)

(7) А кто может выехать?

Теоретически любой мирный житель. На практике на любом блокпосте человека могут задержать. О том, как устроена система «фильтрации», «Медуза» подробно рассказывала здесь.

[Вернуться к тексту](#)